

**ТЕМА СОЦИАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ В «ЗАПИСКАХ ИЗ ПОДПОЛЬЯ»
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО**

Светлана Мизякина

*Белорусский государственный аграрный технический университет, Минск,
Беларусь*

mizyakina_sn@mail.ru

Автор исходит из мысли, что в «Записках из подполья» Достоевский описывает особый тип личности в культуре. В статье проанализированы особенности мировосприятия подпольного человека и причины, которые приводят его к социальному отчуждению.

Ключевые слова: *отчуждение, Достоевский, «Записки из подполья», «лишние люди»*

**THE THEME OF SOCIAL ALOOFNESS IN "NOTES FROM THE UNDERGROUND" BY
F.M. DOSTOEVSKY**

Svetlana N. Miziakina

Belarusian State Agrarian Technical University, Minsk, Belarus

The author proceeds from the idea that in "Notes from the Underground" Dostoevsky reveals a special type of personality in culture. The article explores the features of the underground person's worldview and the reasons that lead him to social aloofness.

Keywords: *aloofness, Dostoevsky, "Notes from the underground", "needless people"*

«Записки из подполья» Ф.М. Достоевского были напечатаны в 1864 году. Это произведение вначале ждал холодный прием. Но на рубеже XIX-XX вв. оно стало необычайно популярным в среде русских и западных мыслителей и позже было названо прологом к экзистенциальной философии. Вопросы, поднятые в повести, остаются актуальными и сегодня. В частности, Достоевский анализирует психологию и философию подпольного человека – особого типа личности в современной культуре. В своих дневниках он писал: «Только я один вывел трагизм подполья, состоящий в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и в невозможности постичь его и,

главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться! Что может поддержать исправляющихся? Награда, вера? Награды – не от кого, веры – не в кого! Еще шаг отсюда и вот крайний разврат, преступление» [4, с. 329-330].

Цель данной работы состоит в выявлении особенностей мировосприятия подпольного человека и причин, которые приводят его к социальному отчуждению.

Герой Достоевского – продолжение темы «лишних людей» в русской литературе XIX века (А.С. Грибоедов «Горе от ума», А.С. Пушкин «Евгений Онегин», И.С. Тургенев «Дневник лишнего человека» и другие). Особенности такого рода личностей: социальная отчужденность, противоречивость мировосприятия и самооценки, трудности выстраивания отношений с другими людьми, разочарование в идеалах и душевная усталость.

Подпольный человек, как и другие «лишние люди», духовно раздвоен и противоречив, лишен прочных нравственных основ. Смысл жизни и даже конкретные цели деятельности для него утеряны. Он плохо видит грань «между теорией и реальной жизнью, между словом и делом. Отсюда – горькое сознание своей нравственной несостоятельности, глубокое неверие в себя и людей, страх перед жизнью» [2, с. 37].

В подпольном человеке существуют и борются два «я»: реальное (экзистенциальное) и отвлеченное, сконструированное сознанием. Герой Достоевского знает про себя все: и то, какой он есть на самом деле, и то, что он придумывает о себе, и то, что иллюзорное «Я» все время заглушает живую натуру. И в этом его главная трагедия: он сознает свою уродливость. Но тем не менее ничего не меняет: ведь он не понимает, что именно надо делать, и не верит в то, что способен измениться. Разрыв экзистенциального Я и созданного абстрактной логикой идеала приводит к тому, что свои цели герой проводит не из жизни в логику, а из логики в жизнь. В результате – насилие над жизнью и собой, самораспад личности.

К тому же нравственный идеал вступает в противоречие с «темной стороной» природы подпольного человека, которая воспринимается как непреодолимый закон природы, управляющий нашим поведением. А если это так, то мораль и идеалы невозможно воплотить в жизнь. Они остаются всего лишь конструкцией нашего сознания. Нет и вины, ответственности за аморальное поведение, потому что законы природы лишают свободы, права выбора. Может быть поэтому подпольный человек, осознавая непристойность своих поступков, все равно их делает. «Чем больше я сознавал о добре, тем глубже я и опускался в мою тину и тем способнее был совершенно завязнуть в ней» [3, с. 404]. Очевидно, что здесь Достоевский поднимает проблему свободы и ответственности, позже актуализированную экзистенциалистами, а также проблему воплощения идеала в реальность и, шире, проблему абсолютности и относительности ценностей.

Одна из основных черт в психологии подпольного человека – неуверенность в себе, которая порождает противоречивость поведения и целый комплекс негативных качеств: тщеславие, самоуверенность, самопрезирание, презрение к другим, зависть. Тщеславие вызывает требовательность к себе. Но эта требовательность не реализуется в поступке, а приводит лишь к самокритике, постоянно недовольному, доходящему до омерзения взгляду на себя. Защитной реакцией на такое самоуничижение становится презрение к другому как способ возвыситься. Но сидящее внутри неуважение к собственной личности парадоксальным образом возвышает этого другого.

Раздвоенность подпольного человека приводит его к отчуждению от своего истинного Я и к социальному отчуждению. Он хочет принадлежать к людям с высокой духовностью. Но понимает, что не соответствует их ценностям. Такое несоответствие проистекает из того, что подпольный человек конструирует идеалы через абстрактные рассуждения, а не вырабатывает их путем духовной работы над собой. Поэтому многие принципы возвышенных натур оказываются ему внутренне чуждыми. В то же время его отвращает и образ жизни «обыкновенных» людей, которые не озабочены вопросами высокой духовности, живут простыми потребностями и эмоциями, снисходительны к своим и чужим нравственным изъянам. Поэтому «лишний человек» выбирает существование в грезах и наслаждается им как имитацией жизни, закрываясь от действительности. Такая ситуация фактически превращает его в маргинала.

Поступки, которые противоречат нравственным требованиям, герой Достоевского оправдывает тем, что невозможно быть хорошим, когда все кругом плохие. На самом деле такой распространенный и сегодня подход к оценке своего поведения, с одной стороны, является следствием ориентации на мнение большинства (быть как все), а с другой стороны, свидетельствует о безволии, которое, в свою очередь, порождается отсутствием цели. При этом очевидная бесцельность существования подпольного человека есть в том числе и следствие отсутствия запроса со стороны общества на развитую духовность и критическое мышление, отсутствие социальной атмосферы, которая бы способствовала действительному воспитанию этих качеств и нормальной социализации индивида.

Известно, что первичным институтом социализации выступает семья. Достоевский подчеркивает, что огромную роль в формировании социально отчуждающего мировосприятия героя сыграло детство. Случайное семейство – это тема, к которой писатель постоянно обращался в своем творчестве, показывая, что отношения, по сути, чужих людей, детство без любви и ласки, отсутствие защиты и опоры в семье, порождает и мышление, в котором все случайно, в котором много жестокости и трагичности. Подпольный человек забивается в угол еще в самом раннем детстве. Он пытается доказать свою уникальность, право на свое место в мире, на уважение, уходит с головой в учебу, пытаясь выделиться своей интеллектуальностью. Результат – односторонность развития. Рассудочное, «усиленное сознание» героя начинает диктовать условия всей его натуре. Наблюдательность, развитая жизнью в углу, показала, что действительность далека от ожиданий, которые на нее

возлагаются, породив протест против существующего. Он ненавидел своих одноклассников за то, что они смогли успешно адаптироваться к ситуации. Ведь итогом его попыток приспособиться стала измена самому себе. К тому же гипертрофированное внимание к суждениям окружающих о нем, привело к тому, что негативно-критические чужие голоса проникли в его внутренний мир, стали перекраивать и подавлять его натуру. В результате он стал ничем: ни собой, ни тем идеалом, которого от него требуют, ни тем идеалом, который он требует от себя.

К социальному отчуждению приводит также Я-центризм, индивидуализм подпольного человека, вступающий в противоречие с его потребностью в диалоге. Примирение, которое мог бы дать такой диалог, «предполагает приобщение голоса героя к хору, но для этого необходимо сломить и заглушить свои фиктивные голоса, передразнивающие и перебивающие истинный голос человека» [1, с. 335]. Так псевдиалог порождает Я-центризм и монологическое «упражнение в мышлении».

В свою очередь «мыслительная игра», заменяющая живой диалог, лишает поступок побудительных мотивов, открывая все новые причины явлений и подводя к каждой мысли столько сомнений и «неразрешимых вопросов, что поневоле вокруг него набирается какая-то роковая бурда» [3, с. 408]. Взгляд на мир, не предполагающий стоящего над человеком абсолютного смысла, основанный на неоднозначности ценностных ориентаций, приводит к тому, что логически объясняется все, а возможные выходы из жизненных ситуаций становятся равноценными. Все «за» и «против» уравниваются друг друга. Твердые убеждения, которые санкционируют поступок, исчезают. В результате теряется вера в право действия, в успех его. Заранее зная, что действие приведет к ничто, к собственному страданию, подпольный человек выбирает бездействие. «Ведь прямой, законный непосредственный плод сознания – это инерция, то есть сознательное сложа-руки-сиденье» [3, с. 411]. «Ведь чтоб начать действовать, нужно быть совершенно успокоенным заранее и чтоб сомнений уж никаких не оставалось» [3, с. 412]. «Усиленное сознание» подпольного человека начинает с сомнения в существующих законах и приводит к отрицанию законов вообще, к провозглашению личного хотения как жизненного принципа.

Одна из причин социального отчуждения подпольного человека в том, что действительность не соответствует его желаниям и идеалам. Как следствие этого – разрыв идеала и реальности, создание мира «мечтателя». Но когда мир «мечтателя» сталкивается с миром подлинной, «непризрачной жизни», разрушается, распадаясь, гармония идеала и поступка, иллюзорное нравственное совершенство оборачивается до грубости реальными «падениями» [5, с. 75-85]. Разочаровавшись в возможности воплотить идеал в действительность, герой Достоевского отрицает не идеал, а действительность, и уходит в подполье. Но это только иллюзия. Выход в реальность все равно совершается, но как преступление: подпольный человек переступает свои идеалы. Долго сдерживаемые желания, подавляемая сознанием естественность прорывается в реальность в искаженной и жестокой форме. Ему страшно себе в этом признаться, поэтому даже во времена самого дна разврата он думает о прекрасном и высоком. От красоты идеала, от противоречия его с совершающимся действием, от хаоса возникает наслаждение развратом. Это наслаждение отчаяния является следствием осознания безвыходности положения и попыткой успокоить себя, оправдать.

Но подпольный человек уходит в мир иллюзий не только для защиты. Это еще и бунт, пассивный отход от действительности, форма неприятия ее, попытка всеми оставшимися силами сохранить свою индивидуальность, свою свободу. И потому герой наслаждается такой жизнью, и даже своей униженностью. Ведь это пусть и уродливый, но его собственный и свободный акт воли. В условиях подавления «важной этической ценностью для униженного и обезличенного человека становится проявление его индивидуального хотения» [3, с. 552]. «Да какое мне дело до законов природы и арифметики, когда мне почему-либо эти законы не нравятся? Разумеется, я не пробью такой стены лбом, если и в самом деле сил не будет пробить, но я и не смирюсь с ней потому только, что у меня каменная стена и у меня сил не хватило», - восклицает подпольный парадоксалист [3, с. 408]. Неумение гармонично соединить свободу и необходимость уводит в мечты подполья. Не видя выхода, не веря в себя, герой Достоевского ждет внешнего изменения обстоятельств, когда «вдруг представится горизонт соответственной деятельности, благотворной, прекрасной, и, главное, совсем готовой» [3, с. 444]. По логике подпольного человека только другие должны менять себя и окружающее. Он же не может воплотить идеал в реальность, потому что для этого нет соответствующих условий. Вина перекладывается на других и на законы природы.

Абстрактный рационализм подпольного человека – не случайное для России явление. Во второй половине XIX в. западный рационализм широко распространился среди интеллектуальной части российского общества. При этом люди зачастую усваивали не дух, а букву рационального мышления, которое сводилось к логическому конструированию абстрактных идеалов. Акт мысли становился внешним по отношению к эмоционально-духовной жизни. Поскольку человек не исчерпывается рассудком, то и сознание его становится ложным, если мысль не проходит через переживание мира сердцем, всей натурой человека. Достоевский остро ощущал эти отрицательные последствия поверхностного влияния западной культуры на российское общество. Фактически он был солидарен с мнением представителей цивилизационной теории (Н.Я. Данилевский, Л.К. Леонтьев) о том, что каждая цивилизация несет в себе определенный архетип, дающий ей оригинальность. Этот архетип не передается народам других культурных типов. Возможно заимствование только форм культуры, которые наполняются в других цивилизациях иным содержанием.

Достоевский в образе подпольного человека стремится показать, что любая подгонка под навязанный извне идеал приводит к отчуждению от себя живого и от других людей, а в дальнейшем и к нигилизму. Хотя

нигилизм героя Достоевского – это еще глубоко спрятанное чувство, которое, однако, в будущем вполне может вырасти в деспотическое отрицание мира. Пока еще сама действительность выталкивает его из себя, оставляя крохотный угол. Но придет время – и он будет крушить все и всех, выставляя вперед идеал и чувствуя себя пророком. Пока он только безуспешно пытается это делать, у него еще мало силы и много сомнений, у него еще есть возможность перерождения. Для Достоевского очень важно показать, что положение его героя не безвыходно. Даже то, что подпольный человек все-таки пишет свои записки, говорит о том, что он нашел наконец силы, чтобы сказать правду о себе, признаться во всех истинных мотивах своего поведения. А это и есть первый шаг обновления. Хотя то, что записки его обрываются, есть признание, что выхода он не нашел.

Таким образом, можно утверждать, что трагедия подпольного человека заключается в том, что «сознавая себя личностью, он в то же время поставлен в такие условия, в которых личность не может себя заявить» [6, с. 46]. Его мировоззрение уже не уместается в рамках традиционалистского сознания с его естественно испытываемым слиянием с мировым целым, с ощущением себя кусочком этого целого, случайно доставшимся и от века данным тебе местом в нем. Развившееся чувство уникальности и оторванность от почвы вследствие специфических условий жизни и воспитания приводят подпольного человека к существованию вне общества и вне каких-либо основ. И Достоевский пытается ответить на вопрос, имеют ли надежду люди, которые отвергнуты обществом и моралью, могут ли они жить в вечной трагедии, обречены ли на гибель или есть для них возможность выхода из этой ситуации. Сам писатель «жаждет верить» в такую возможность, и по сути дела оставляет вопрос открытым.

1. Бахтин, М. М. Проблема поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М. : Эксмо, 2017. – 640 с.
2. Буданова, Н. Ф. Достоевский и Тургенев. Творческий диалог / Н. Ф. Буданова – Л. : Наука, 1987. – 198 с.
3. Достоевский, Ф. М. Записки из подполья / Ф. М. Достоевский // Собр. соч. : в 12 т. – М. : Правда, 1982. – Т. 2 – 482 с.
4. Достоевский, Ф. М. Подросток / Ф. М. Достоевский // Полное собр. соч. : в 30 т. – Л. : Наука, 1976. – Т. 16. – 439 с.
5. Мехед, Н. Г. Художественные открытия как объект этического исследования / Н. Г. Мехед // Вопросы философии. – 1986. – № 6. – С. 75-85.
6. Фридендер, Г. Достоевский и мировая литература / Г. Фридендер. – М. : Художественная литература, 1979. – 423 с.